

Моя личная ЖИЗНЬ — театр

Сергей Женовач приехал из Краснодара. Закончил ГИТИС (мастерскую П. Фоменко), работал в театре-студии «Человек». Сейчас - главный режиссер Театра на Малой Бронной, где поставил спектакли «Король Лир», «Мельник, колдун, обманщик и сват», «Пучина», «Леший», трилогию по «Идиоту» Ф. Достоевского - «Бесстыжая», «Рыцарь бедный», «Русский свет». Преподает в ГИТИСе в мастерской Петра Фоменко.

Женовач - один из тех режиссеров, который вернул в театр зрителя. На его спектаклях нет суперавангардных приемов, обнаженных тел и прочих атрибутов модных постановок нашего времени. И тем не менее зритель всех возрастов ходит на спектакли высокой театральной культуры, где на три часа полностью забывает о своих проблемах и живет жизнью героев Чехова, Достоевского, Шекспира.

- Как вам это удается, Сергей Васильевич? Вроде бы такая известная всем классика, а держит в напряжении с первой до последней минуты, смотрится на одном дыхании?

- Мне трудно судить о своих спектаклях. Это дело зрителей и критиков. Мне всегда был интересен театр, который находится где-то на стыке между театром-лабораторией (поиск новых методов и форм, актерских технологий, как у Гротовского) и театром-представлением. Итальянский режиссер Стреллер любит говорить: «Театр - для людей». Я никогда не боюсь, что меня не поймут, не стараюсь заигрывать с публикой, упрощая ткань пьесы. Не считаю, что люди приходят в театр только чтобы развлечься, во всяком случае, не ориентируюсь на это. Зрители это понимают и ходят к нам все больше и больше. Я люблю психологический театр. Такой, где зритель забывает о своих проблемах, а живет сложными судьбами героев пьесы. Он, конечно, не становится чище и лучше после этого, но хоть на три часа он задумывается, что есть в мире нечто иное, кроме его «эго». И если мне это удастся, значит, все не зря.

- Все ваши спектакли очень красиво оформлены: великолепные костюмы, декорации...

- Потому что спектакль для меня - это не только концепция режиссера, а прежде всего сотрудничество режиссера, актеров, художника, композитора, постановочной части. Никто никого не обслуживает, все делают все вместе.

- Из спектакля в спектакль переходит один и тот же состав актеров: Сергей Тарамаев, Ирина Розанова, Сергей Качанов, Сергей Баталов, Владимир Топцов. Это ваша команда?

- Эти актеры в свое время поверили в меня и пошли за мной, бросив свои театры и студии. Но теперь в Театре на Малой Бронной, я не мыслю своих постановок и без Льва Дурова, Георгия Мартынюка, Сергея Перелыгина. Правда, та пятерка мне особенно дорога.

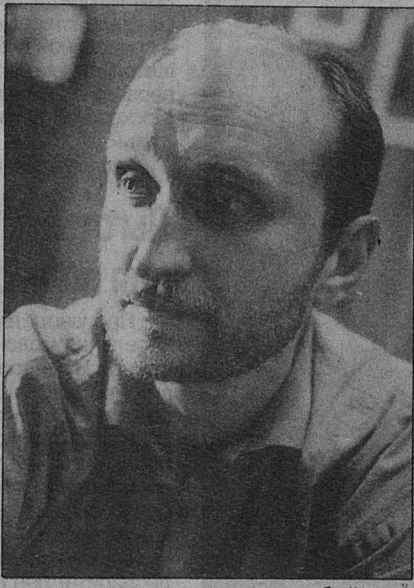
- Ирина Розанова и Сергей Тарамаев стали кинозвездами. Обычно театральные режиссеры болезненно, ревниво относятся к тому, что их актеры часто снимаются в кино. А вы?

- Я - нет. Актер не должен находиться в простое ни одного дня. Кино - прекрасная возможность для того, чтобы постоянно держать себя в форме. Проблема только в том, как сломать репертуар театра. Что ж, мы идем на компромиссы.

- Вы ставите в основном русскую классику: трилогия по Достоевскому, Чехов, Островский, Аблесимов... В пьесе «Пучина» расчетливые бесчувственные французы противопоставлены непрактичным, никчемным, но таким душевно-теплым русским. Вы - убежденный славянофил?

- Я ставлю не только русскую классику, нет. Хотя и очень люблю ее. Ставлю Шекспира, Синга, Ибсена. В Норвегии выпустил ибсеновскую «Дику утку», причем в том театре, где автор этой пьесы работал завлитом.

- Когда я был на вашем спектакле по «Идиоту», в зале сидело много школьников. Они не смотрели на сцену, а зани-

мались в основном собой, мешали другим...

- Я сторонник семейных походов в театр. Если ребенок идет с родителями, театр для него становится событием. Если со сверстниками (например, коллективные школьные посещения), у них возникает определенный микроклимат, который мешает актерам и зрителям. Да, вы правы... Но это вопрос к администрации, которая гонится за стопроцентным заполнением зала во что бы то ни стало.

- Куда вы советуете пойти московским театрам, как им сориентироваться в море премьер?

- На дипломные спектакли театральных вузов. Это - свежий кислород, новая кровь, театр будущего. Особенно у таких педагогов, как Захаров, Фоменко, Левертов, Авшаров, Иванов. Ориентироваться надо в театре по режиссерам. А в Москве прекрасных режиссеров очень много. Вот некоторые имена: Гинкас, Фоменко, Яновская, Арцыбашев.

- Есть такое мнение, что творческий человек, как правило, аскет, целиком погружен в свою работу, для него не существует другой жизни.

- Так оно и есть. Театр забирает все. Я, например, не могу, закончив репетицию и придя домой, думать о чем-то другом, кроме работы. В голове - актеры, студенты, новые постановки. Сейчас работаю в театре «Мастерская Фоменко» над «Зимней сказкой» Шекспира.

- И как же личная жизнь?

- Моя личная жизнь - театр.

- Вы живете в башне из сложенной костью?

- Да нет, что вы. Постоянно хожу на работы своих коллег, выставки, слушаю музыку, слежу за всем, что меня окружает в общественной жизни. Ведь театр - квинтэссенция этой жизни, ее экстракт. Принцип «искусство для искусства» неактуален. Иначе можно законсервироваться в собственных штампах.

Пока мы беседовали, у Сергея Женовача на коленях спала кошка, которую он время от времени нежно поглаживал.

- Это любимая театральная кошка, - сказал режиссер. - У нас их много, но Репка - предмет всеобщей любви. Репка - сокращенно «репертуарная комиссия». Она обожает сцену и часто появляется во время спектакля.

- Но это же тяжелое испытание для актеров.

- Для хорошего актера любая неожиданность - подарок, возможность импровизировать. Вот у Репки редкое чутье. Вот в «Золушке» был такой момент. Актриса Нелли Селезнева, которая играла Фею, говорит свой текст: «Белки вымоют окна своими хвостами, а кошки намелют кофе». И в этот момент - представляете? - на сцену гордо выходит Репка. Селезнева тут же включила ее в свою игру, и восторгу зрителей не было конца. Стреллер прав: «Театр - для людей».

Юрий ЛУГОВСКОЙ.

Фото О. ЧУМАЧЕНКО.

